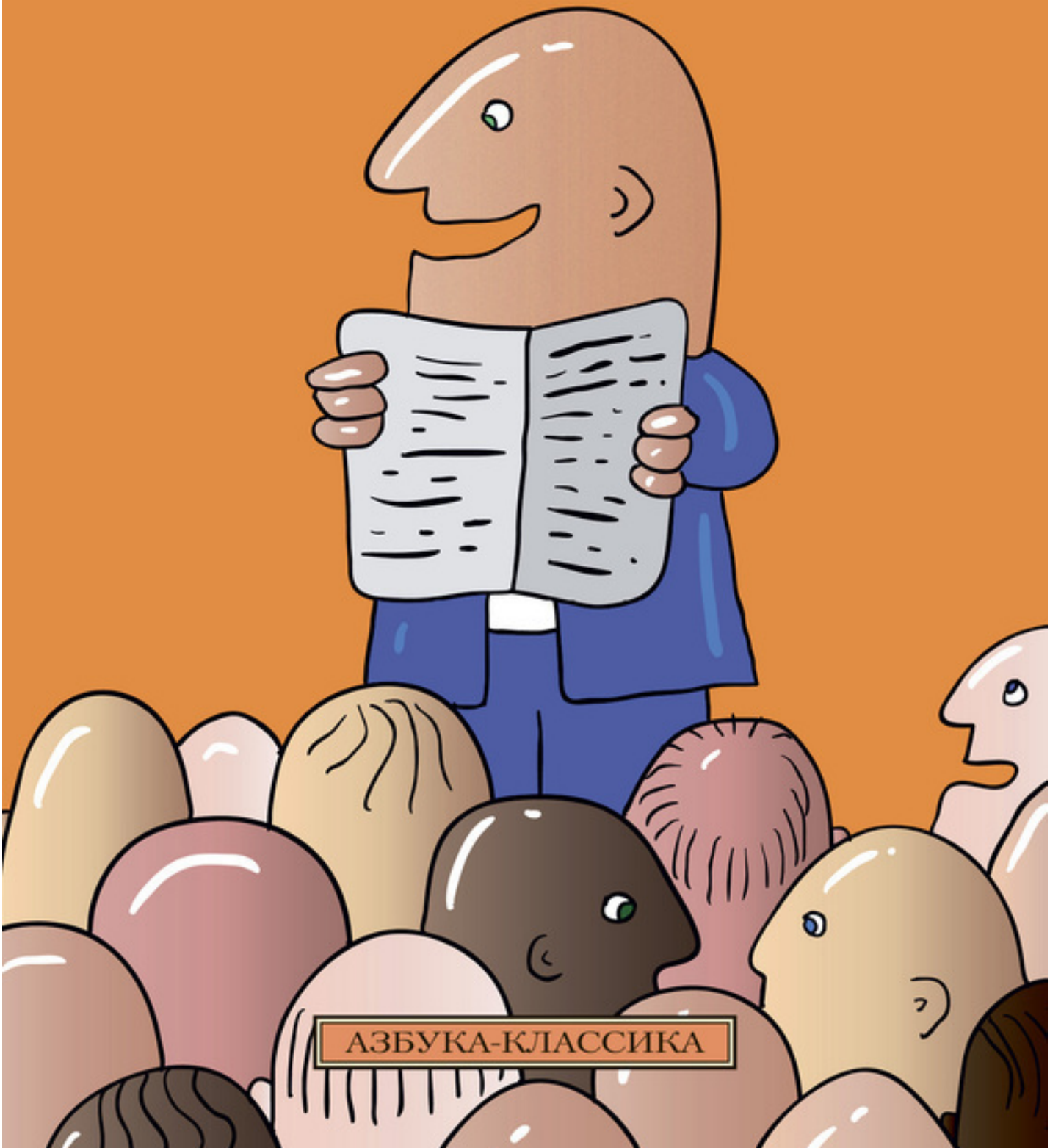
СЕРГЕЙ
ДОВЛАТОВ

Представление



АЗБУКА-КЛАССИКА

Сергей Довлатов

Представление (сборник)

«Азбука-Аттикус»

1987

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Довлатов С. Д.

Представление (сборник) / С. Д. Довлатов — «Азбука-Аттикус», 1987

Сергей Довлатов – один из наиболее популярных и читаемых русских писателей конца XX – начала XXI века. Его повести, рассказы и записные книжки переведены на множество языков, экранизированы, изучаются в школе и вузах. «Заповедник», «Зона», «Иностранка», «Наши», «Чемодан» – эти и другие удивительно смешные и пронзительно печальные довлатовские вещи давно стали классикой. «Отморозил пальцы ног и уши головы», «выпил накануне – ощущение, как будто проглотил заячью шапку с ушами», «алкоголизм излечим – пьянство – нет» – шутки Довлатова запоминаешь сразу и на всю жизнь, а книги перечитываешь десятки раз. Они никогда не надоедают. Содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Довлатов С. Д., 1987
© Азбука-Аттикус, 1987

Содержание

Голос 6
Мой старший брат 14
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Сергей Довлатов
Представление (сборник)

© С. Довлатов (наследники), 1987, 2012
© В. Пожидаев, оформление серии, 2012
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013
Издательство АЗБУКА®

Публикуется с любезного разрешения Елены и Екатерины Довлатовых

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Голос

Шестой лагпункт находился в стороне от железной дороги. Так что попасть в это унылое место было нелегко.

Нужно было долго ждать попутного лесовоза. Затем трястись на ухабах, сидя в железной кабине. Затем два часа шагать по узкой, исчезающей в кустах тропинке. Короче, действовать так, будто вас ожидает на горизонте приятный сюрприз. Чтобы наконец оказаться перед лагерными воротами, увидеть серый трап, забор, фанерные будки и мрачную рожу дневального…

Алиханов был в этой колонии надзирателем штрафного изолятора, где содержались провинившиеся зеки.

Это были своеобразные люди.

Чтобы попасть в штрафной изолятор лагеря особого режима, нужно совершить какое-то фантастическое злодеяние. Как ни странно, это удавалось многим. Тут действовало нечто противоположное естественному отбору. Происходил конфликт ужасного с еще более чудовищным. В штрафной изолятор попадали те, кого даже на особом режиме считали хулиганами…

Должность Алиханова была поистине сучьей. Тем не менее Борис добросовестно выполнял свои обязанности. То, что он выжил, является показателем качественным.

Нельзя сказать, что он был мужественным или хладнокровным. Зато у него была драгоценная способность терять рассудок в минуту опасности. Видимо, это его и спасало.

В результате его считали хладнокровным и мужественным. Но при этом считали чужим.

Он был чужим для всех. Для зеков, солдат, офицеров и вольных лагерных работяг. Даже караульные псы считали его чужим.

На лице его постоянно блуждала рассеянная и одновременно тревожная улыбка. Интеллигента можно узнать по ней даже в тайге.

Это выражение сохранялось при любых обстоятельствах. Когда от мороза трещали заборы и падали на лету воробьи. Когда водка накануне очередной демобилизации переполняла солдатскую борщовую лохань. И даже когда заключенные около лесобиржи сломали ему ребро.

Алиханов родился в интеллигентном семействе, где недолюбливали плохо одетых людей. А теперь он имел дело с уголовниками в полосатых бушлатах. С военнослужащими, от которых пахло ядовитой мазью, напоминающей деготь. Или с вольными лагерными работягами, еще за Котласом прокутившими гражданское тряпье.

Алиханов был хорошим надзирателем. И это все же лучше, чем быть плохим надзирателем. Хуже плохого надзирателя только зеки в ШИЗО…

В ста метрах от изолятора темнело здание казармы. Над его чердачным окном висел бледно-розовый застиранный флаг. За казармой на питомнике глухо лаяли овчарки. Овчарок дрессировали Воликов и Пахапиль. Месяцами они учили собак ненавидеть людей в полосатых бушлатах. Однако голодные псы рычали и на солдат в зеленых телогрейках. И на сверхсрочников в офицерских шинелях. И на самих офицеров. И даже на Воликова с Пахапилем.

Ходить мимо отгороженных проволочными сетками вольеров – было небезопасно.

Ночью Алиханов дежурил в изоляторе, а потом целые сутки отдыхал. Он мог курить, сидя на гимнастических брусьях. Играть в домино под хриплые звуки репродуктора. Или, наконец, осваивать ротную библиотеку, в которой преобладали сочинения украинских авторов.

В казарме его уважали, хоть и считали чужим. А может, как раз поэтому и уважали. Может быть, сказывалось российское почтение к иностранцам? Почтение без особой любви…

Чтобы заслужить казарменный авторитет, достаточно было игнорировать начальство. Алиханов легко игнорировал ротное командование, потому что служил надзирателем. Ему было нечего терять…

Раз Алиханова вызвал капитан Прищепа. Это было в конце декабря.

Капитан протянул ему сигареты в знак того, что разговор будет неофициальный. Он сказал:

– Приближается Новый год. К сожалению, это неизбежно. Значит, в казарме будет пьянка. А пьянка – это неминуемое чепе… Если бы ты постарался, употребил, как говорится, свое влияние… Поговори с Балодисом, Воликовым… Ну и, конечно, с Петровым. Главный тезис – пей, но знай меру. Вообще не пить – это слишком. Это, как говорится, антимарксистская утопия. Но свою меру знай… Зона рядом, личное оружие, сам понимаешь…

В тот же день Борис заметил около уборной ефрейтора Петрова, которого сослуживцы называли – Фидель. Эту кличку ефрейтор получил год назад. Лейтенант Хуриев вел политзанятия. Он велел назвать фамилии членов Политбюро. Петров сразу вытянул руку и уверенно назвал Фиделя Кастро…

Алиханов заговорил с ним, ловко копируя украинский выговор Прищепы:

– Скоро Новый год. Устранить или даже отсрочить это буржуазное явление партия не в силах. А значит, состоится пьянка. И произойдет неминуемое чепе. В общем, пей, Фидель, но знай меру…

– Я меру знаю, – сказал Фидель, подтягивая брюки, – кило на рыло, и все дела! Гужу, пока не отключусь… А твой Прищепа – гондовня и фрайер. Он думает – праздник, так мы и киряем. А у нас, бляха-муха, свой календарь. Есть «капуста» – гудим. А без «капусты» что за праздник?!. И вообще, тормознуться пора. Со Дня Конституции не просыхаем. Так ведь можно ненароком и дубаря секануть… Давай скорее, я тебя жду… Ну и погодка! Дерьмо замерзает, рукой приходится отламывать…

Алиханов направился к покосившейся будке. Снег около нее был покрыт золотистыми вензелями. Среди них выделялся каллиграфический росчерк Потапа Якимовича из Белоруссии.

Через минуту они шли рядом по ледяной тропинке.

– Наступит дембель, – мечтал Фидель, – приеду я в родное Запорожье. Зайду в нормальный человеческий сортир. Постелю у ног газету с кроссвордом. Открою полбанки. И закайфую, как эмирский бухар…

Подошел Новый год. Утром солдаты пилили дрова возле казармы. Еще вчера снег блестел под ногами. Теперь его покрывали желтые опилки.

Около трех вернулась караульная смена из наряда. Разводящий Мелешко был пьян. Шапка его сидела задом наперед.

– Кругом! – закричал ему старшина Евченко, тоже хмельной. – Кругом! Сержант Мелешко – кру-у-гом! Головной убор – на месте!..

Ружейный парк был закрыт. Дежурный запер его и уснул. Караульные бродили по двору с оружием.

На кухне уже пили водку. Ее черпали алюминиевыми кружками прямо из борщовой лохани. Ленька Матыцын затянул старый вохровский гимн:

Хотят ли цирики войны?..
Ответ готов у старшины,
Который пропил все, что мог,
От портупеи до сапог.

Ответ готов у тех солдат,
Что в доску пьяные лежат,
И сами вы понять должны,
Хотят ли цирики войны…

Замполит Хуриев был дежурным офицером. На всякий случай он захватил из дома пистолет. Правый карман его галифе был заметно оттянут.

Хмельные солдаты в расстегнутых гимнастерках без дела шатались по коридору. Глухая и темная энергия накапливалась в казарме.

Замполит Хуриев приказал собраться в ленинской комнате. Велел построиться у стены. Однако пьяные вохровцы не могли стоять. Тогда он разрешил сесть на пол. Некоторые сразу легли.

– До Нового года еще шесть часов, – отметил замполит, – а вы уже пьяные как свиньи.

– Жизнь, товарищ лейтенант, обгоняет мечту, – сказал Фидель.

У замполита было гордое красивое лицо и широкие плечи. В казарме его не любили…

– Товарищи, – сказал Хуриев, – нам выпала огромная честь. В эти дни мы охраняем покой советских граждан. Вот ты, например, Лопатин…

– А чего Лопатин? Чего Лопатин-то? Всегда – Лопатин, Лопатин… Ну, я Лопатин, – басом произнес Андрей Лопатин.

– Для чего ты, Лопатин, стоишь на посту? Чтобы мирно спали колхозники в твоей родной деревне Бежаны…

«Политработа должна быть конкретной». Так объясняли Хуриеву на курсах в Сыктывкаре.

– Ты понял, Лопатин?

Лопатин подумал и громко сказал:

– Поджечь бы эту родную деревню вместе с колхозом!..

Алиханов водку пить не стал. Он пошел в солдатский кубрик, где теснились двухъярусные нары. Потом стащил валенки и забрался наверх.

На соседней койке, укрывшись, лежал Фидель. Вдруг он сел на постели и заговорил:

– Знаешь, что я сейчас делал? Богу молился… Молитву сам придумал. Изложить?

– Ну, – произнес Алиханов.

Фидель поднял глаза и начал:

– Милый Бог! Надеюсь, Ты видишь этот бардак?! Надеюсь, Ты понял, что значит вохра?!. Так сделай, чтобы меня перевели в авиацию. Или, на худой конец, в стройбат. И еще распорядись, чтобы я не спился окончательно. А то у бесконвойников самогона навалом, и все идет против морального кодекса…

Милый Бог! За что Ты меня ненавидишь? Хотя я и гопник, но перед законом чист. Ведь не крал же я, только пью… И то не каждый день…

Милый Бог! Совесть есть у Тебя или нет? Если Ты не фрайер, сделай, чтобы капитан Прищепа вскорости лыжи отбросил. А главное, чтобы не было этой тоски… Как ты думаешь, Бог есть?

– Маловероятно, – сказал Алиханов.

– А я думаю, что пока все о’кей, то, может быть, и нет его. А как прижмет, то, может быть, и есть. Так лучше с ним заранее контакт установить…

Фидель наклонился к Алиханову и тихо произнес:

– Мне в рай попасть охота. Я еще со Дня Конституции такую цель поставил.

– Попадешь, – заверил его Алиханов, – в охране у тебя не много конкурентов.

– Я и то думаю, – согласился Фидель, – публика у нас бесподобная. Ворюги да хулиганы… Какой уж там рай… Таких и в дисбат не примут… А я на этом фоне, может, и проскочу как беспартийный…

…К десяти часам перепилась вся рота. Очередную смену набрали из числа тех, кто мог ходить. Старшина Евченко уверял, что мороз отрезвит их.

По казарме бродили чекисты, волоча за собой автоматы и гитары.

Двоих уже связали телефонным проводом. Их уложили в сушилке на груду тулупов.

В ленинской комнате охранники затеяли игру. Она называлась «Тигр идет». Все уселись за стол. Выпили по стакану зверобоя. Затем ефрейтор Кунин произнес:

– Тигр идет!

Участники игры залезли под стол.

– Отставить! – скомандовал Кунин.

Участники вылезли из-под стола. Снова выпили зверобоя. После чего ефрейтор Кунин сказал:

– Тигр идет!

И все опять залезли под стол.

– Отставить! – скомандовал Кунин…

На этот раз кто-то остался под столом. Затем – второй и третий. Затем надломился сам Кунин. Он уже не мог произнести: «Тигр идет!» Он дремал, положив голову на кумачовую скатерть…

Около двенадцати прибежал инструктор Воликов с криком:

– Охрана, в ружье!

Его окружили.

– На питомнике девка кирная лежит, – объяснил инструктор, – может, с высылки забрела…

В нескольких километрах от шестого лагпункта был расположен поселок Чир. В нем жили сосланные тунеядцы, главным образом – проститутки и фарцовщики. На высылке они продолжали бездельничать. Многие из них были уверены, что являются политическими заключенными…

Парни толпились возле инструктора.

– У Дзавашвили есть гандон, – сказал Матыцын, – я видел.

– Один? – спросил Фидель.

– Тоже мне, доцент! – рассердился Воликов. – Личный гандон ему подавай! Будешь на очереди…

– Банальный гандон не поможет, – уверял Матыцын, – знаю я этих, с высылки… У них там гонококки, как псы… Вот если бы из нержавейки…

Алиханов лежал и думал, какие гнусные лица у его сослуживцев.

«Боже, куда я попал?!» – думал он.

– Урки, за мной! – крикнул Воликов.

– Люди вы или животные?! – произнес Алиханов. Он спрыгнул вниз. – Попретесь целым взводом к этой грязной бабе?!

– Политику не хаваем! – остановил его Фидель.

Он успел переодеться в диагоналевую гимнастерку.

– Ты же в рай собирался?

– Мне и в аду не худо, – сказал Фидель.

Алиханов стоял в дверном проеме.

– Всякую падаль охраняем!.. Сами хуже зеков!.. Что, не так?!.

– Не возникай, – сказал Фидель, – чего ты разорался?!. И помни, в народе меня зовут – отважным…

– Кончайте базарить, – сказал верзила Герасимчук.

И вышел, задев Алиханова плечом. За ним потянулись остальные.

Алиханов выругался, залез под одеяло и раскрыл книгу Мирошниченко «Тучи над Брянском»…

Латыш Балодис разувался, сидя на питьевом котле. Балодис монотонно дергал себя за ногу. И при этом всякий раз бился головой об угол железной кровати.

Балодис служил поваром. Главной его заботой была продовольственная кладовая. Там хранились сало, джем и мука. Ключи Балодис целый день носил в руках. Засыпая, привязывал их шпагатом к своему детородному органу. Это не помогало. Ночная смена дважды отвязывала ключи и воровала продукты. Даже мука была съедена…

– А я не пошел, – гордо сказал Балодис.

– Почему? – Алиханов захлопнул книгу.

– У меня под Ригой дорогая есть. Не веришь? Анеле зовут. Любит меня – страшно.

– А ты?

– И я ее уважаю.

– За что же ты ее уважаешь? – спросил Алиханов.

– То есть как?

– Что тебя в ней привлекает? Я говорю, отчего ты полюбил именно ее, эту Анеле?

Балодис подумал и сказал:

– Не могу же я любить всех баб под Ригой…

Читать Алиханов не мог. Заснуть ему не удавалось. Борис думал о тех солдатах, которые ушли на питомник. Он рисовал себе гнусные подробности этой вакханалии и не мог уснуть.

Пробило двенадцать, в казарме уже спали. Так начался год.

Алиханов поднялся и выключил репродуктор…

Солдаты возвращались поодиночке. Алиханов был уверен, что они начнут делиться впечатлениями. Но они молча легли.

Глаза Алиханова привыкли к темноте. Окружающий мир был знаком и противен. Свисающие темные одеяла. Ряды обернутых портянками сапог. Лозунги и плакаты на стенах.

Неожиданно Алиханов понял, что думает о женщине с высылки. Вернее, старается не думать об этой женщине.

Не задавая себе вопросов, Борис оделся. Он натянул брюки и гимнастерку. Захватил в сушилке полушубок. Затем, прикурив у дневального, вышел на крыльцо.

Ночь тяжело опустилась до самой земли. В холодном мраке едва угадывалась дорога и очертание сужающегося к горизонту леса.

Алиханов миновал заснеженный плац. Дальше начинался питомник. За оградой хрипло лаяли собаки на блокпостах.

Борис пересек заброшенную железнодорожную ветку и направился к магазину.

Магазин был закрыт. Но рядом жила продавщица Тонечка с мужем-электромонтером. Еще была дочь, приезжавшая только на каникулы.

Алиханов шел на свет в полузанесенном окне.

Затем постучал, и дверь отворилась. Из узкой, неразличимой от пьянства комнаты вырвались звуки старомодного танго. Алиханов, щурясь от света, вошел. Сбоку косо возвышалась елка, украшенная мандаринами и продуктовыми этикетками.

– Пей! – сказал электромонтер.

Он подвинул надзирателю фужер и тарелку с дрогнувшим холодцом.

– Пей, душегуб! Закусывай, сучья твоя порода!

Электромонтер положил голову на клеенку, видимо совершенно обессилев.

– Премного благодарен, – сказал Алиханов.

Через пять минут Тонечка сунула ему бутылку вина, обернутую клубной афишей.

Он вышел. Грохнула дверь за спиной. Мгновенно исчезла с забора нелепая, длинная тень Алиханова. И вновь темнота упала под ноги.

Надзиратель положил бутылку в карман. Афишу он скомкал и выбросил. Было слышно, как она разворачивается, шурша.

Когда Борис снова шел мимо вольеров, псы опять зарычали.

На питомнике было тесно. В одной комнате жили инструкторы. Там висели диаграммы, графики, учебные планы, мерцала шкала радиоприемника с изображением кремлевской башни. Рядом были приклеены фотографии кинозвезд из журнала «Советский экран». Кинозвезды улыбались, чуть разомкнув губы.

Борис остановился на пороге второй комнаты. Там на груде дрессировочных костюмов лежала женщина. Ее фиолетовое платье было глухо застегнуто. При этом оно задралось до бедер. А чулки были спущены до колен. Волосы ее, недавно обесцвеченные пергидролем, темнели у корней. Алиханов подошел ближе, нагнулся.

– Девушка, – сказал он.

Бутылка «Пино-гри» торчала у него из кармана.

– Ой, да ну иди ты! – Женщина беспокойно заворочалась в полусне.

– Сейчас, сейчас, все будет нормально, – шептал Алиханов, – все будет о'кей…

Борис прикрыл настольную лампу обрывком служебной инструкции. Припомнил, что обоих инструкторов нет. Один ночует в казарме. Второй ушел на лыжах к переезду, где работает знакомая телефонистка…

Дрожащими руками он сорвал красную пробку. Начал пить из горлышка. Затем резко обернулся – вино пролилось на гимнастерку. Женщина лежала с открытыми глазами. Ее лицо выражало чрезвычайную сосредоточенность. Несколько секунд молчали оба.

– Это что? – спросила женщина.

В голосе ее звучало кокетство, подавляемое нетрезвой дремотой.

– «Пино-гри», – сказал Алиханов.

– Чего? – удивилась женщина.

– «Пино-гри», розовое крепкое, – добросовестно ответил надзиратель, исследуя винную этикетку.

– Один говорил тут – пожрать захвачу…

– У меня нет, – растерялся Алиханов, – но я добуду… Как вас зовут?

– По-разному… Мамаша Лялей называла.

Женщина одернула платье.

– Чулок у меня все отстЯгивается. Я его застЯгиваю, а он все отстЯгивается да отстЯгивается… Ты чего?

Алиханов шагнул, наклонился, содрогаясь от запаха мокрых тряпок, водки и лосьона.

– Все нормально, – сказал он.

Огромная янтарная брошка царапала ему лицо.

– Ах ты, сволочь! – последнее, что услышал надзиратель…

Он сидел в канцелярии, не зажигая лампы. Потом выпрямился, уронив руки. Звякнули пуговицы на манжетах.

– Господи, куда я попал, – выговорил Алиханов, – куда я попал?! И чем все это кончится?!.

Невнятные ускользающие воспоминания коснулись Алиханова.

…Зимний сквер, высокие квадратные дома. Несколько школьников окружили ябеду Вову Машбица. У Вовы испуганное лицо, нелепая шапка, рейтузы…

Кока Дементьев вырывает у него из рук серый мешочек. Вытряхивает на снег галоши. Потом, изнемогая от смеха, мочится… Школьники хватают Вову, держат его за плечи… Суют голову в потемневший мешок… Мальчик уже не вырывается. В сущности, это не больно…

Школьники хохочут. Среди других – Боря Алиханов, звеньевой и отличник…

…Галоши еще лежат на снегу, такие черные и блестящие. Но уже видны разноцветные палатки спортивного лагеря за Коктебелем. На веревках сушатся голубые джинсы. В сумерках танцуют несколько пар. На песке стоит маленький черный и блестящий транзистор.

Борис прижимает к себе Галю Водяницкую. На девушке мокрый купальник. Кожа у нее горячая, чуть шершавая от загара. Галин муж, аспирант, сидит на краю волейбольной площадки. Там, где место для судей. В его руке белеет свернутая газета.

Галя – студентка индонезийского отделения. Она шепотом произносит непонятные Алиханову индонезийские слова. Он, тоже шепотом, повторяет за ней:

– Кером даш ахнан… Кером ланав…

Галя прижимается к нему еще теснее.

– Ты можешь не задавать вопросов? – говорит Алиханов. – Дай руку!

Они почти бегут с горы, исчезают в кустах. Наверху – бесформенный силуэт аспиранта Водяницкого. Потом – его растерянный окрик:

– Э, э?!..

Воспоминания Алиханова стали еще менее отчетливыми. Наконец замелькали какие-то пятна. Обозначились яркие светящиеся точки. Похищенные у отца серебряные монеты… Растоптанные очки после драки на углу Литейного и Кирочной… И брошка, ослепительная желтая брошка в грубом, анодированном корпусе.

Затем Алиханов снова увидел квадрат волейбольной площадки, белеющий на фоне травы. Но теперь он был собой, и женщиной в мокром купальнике, и любым посторонним. И даже хмурым аспирантом с газетой в руке…

Что-то неясное происходило с Алихановым. Он перестал узнавать действительность. Все близкое, существенное, казавшееся делом его рук, представлялось теперь отдаленным, невнятным и малозначительным. Мир сузился до размеров телеэкрана в чужом жилище.

Алиханов перестал негодовать и радоваться. Он был убежден, что перемена в мире, а не в его душе.

Ощущение тревоги прошло. Алиханов бездумно выдвинул ящик письменного стола. Обнаружил там хлебные корки, моток изоляционной ленты, пачку ванильных сухарей. Затем – мятые погоны с дырочками от эмблем. Две разбитые елочные игрушки. Гибкую коленкоровую тетрадь с наполовину вырванными листами. Наконец – карандаш.

И тут Алиханов неожиданно почувствовал запах морского ветра и рыбы. Услышал довоенное танго и шершавые звуки индонезийских междометий. Разглядел во мраке геометрические очертания палаток. Вспомнил ощущение горячей кожи, стянутой мокрыми, тугими лямками…

Алиханов закурил сигарету, подержал ее в отведенной руке. Затем крупным почерком вывел на листе из тетради:

«Летом так просто казаться влюбленным. Зеленые теплые сумерки бродят под ветками. Они превращают каждое слово в таинственный и смутный знак…»

За окном начиналась метель. Белые хлопья косо падали на стекло из темноты.

– Летом так просто казаться влюбленным, – шептал надзиратель.

Полусонный ефрейтор брел коридором, с шуршанием задевая обои.

«Летом так просто казаться влюбленным…»

Алиханов испытывал тихую радость. Он любовно перечеркнул два слова и написал:

«Летом… непросто казаться влюбленным…»

Жизнь стала податливой. Ее можно было изменить движением карандаша с холодными твердыми гранями и рельефной надписью – «Орион»…

– Летом непросто казаться влюбленным, – снова и снова повторял Алиханов…

В десять часов утра его разбудил сменщик. Он пришел с мороза, краснолицый и злой.

– Всю ночь по зоне бегал, как шестерка, – сказал он, – это – чистый театр… Кир, поножовщина, изолятор набит бакланьем…

Алиханов тоже достал сигарету и пригладил волосы. Целый день он проведет в изоляторе. За стеной будет ходить из угла в угол рецидивист Анаги, позвякивая наручниками…

– Обстановка напряженная, – говорил сменщик, раздеваясь. – Мой тебе совет – возьми Гаруна. Он на третьем блокпосту. Спокойнее, когда пес рядом…

– Это еще зачем? – спросил Алиханов.

– То есть как? Может, ты Анаги не боишься?

– Боюсь, – сказал Алиханов, – очень даже боюсь… Но все равно Гарун страшнее…

Накинув телогрейку, Алиханов пошел в столовую.

Повар Балодис выдал ему тарелку голубоватой овсяной каши. На краю желтело пятнышко растаявшего масла.

Надзиратель огляделся.

Выцветшие обои, линолеум, мокрые столы…

Он захватил алюминиевую ложку с перекрученным стеблем. Сел лицом к окну. Вяло начал есть. Тут же вспомнил минувшую ночь. Подумал о том, что ждет его впереди… И спокойная торжествующая улыбка преобразила его лицо.

Мир стал живым и безопасным, как на холсте. Он приглядывался к надзирателю без гнева и укоризны.

И казалось, чего-то ждал от него…

Мой старший брат

Жизнь превратила моего двоюродного брата в уголовника. Мне кажется, ему повезло. Иначе он неминуемо стал бы крупным партийным функционером.

К этому имелось множество самых разнообразных предпосылок. Однако не будем забегать вперед…

Тетка моя была известным литературным редактором. Муж ее – Арон – заведовал военным госпиталем. Помимо этого он читал лекции и коллекционировал марки. Это была дружная, хорошая семья…

Мой старший брат родился при довольно загадочных обстоятельствах. До замужества у тетки был роман. Она полюбила заместителя Сергея Мироновича Кирова. Звали его – Александр Угаров. Старики ленинградцы помнят этого видного обкомовского деятеля.

У него была семья. А тетку он любил помимо брака.

И тетка оказалась в положении.

Наконец пришло время рожать. Ее увезли в больницу.

Мать поехала в Смольный. Добилась приема. Напомнила заместителю Кирова о сестре и ее проблемах.

Угаров хмуро сделал несколько распоряжений. Обкомовская челядь строем понесла в родильный дом цветы и фрукты. А в теткино жилище был доставлен миниатюрный инкрустированный ломберный столик. Видимо, реквизированный у классово чуждых элементов.

Тетка родила здорового симпатичного мальчика Борю. Мать решила снова поехать в обком. Добиться приема ей не удалось. И не потому, что Угаров зазнался. Скорее наоборот. За эти дни счастливого папашу арестовали как врага народа.

Шел тридцать восьмой год… Тетка осталась с младенцем.

Хорошо, что Угаров не был ее мужем. Иначе бы тетку сослали. А так – сослали его жену и детей. Что, конечно, тоже неприятно.

Видимо, тетка сознавала, на что идет. Она была красивой, энергичной и независимой женщиной. Если она и боялась чего-нибудь, то лишь партийной критики…

К тому же появился Арон. Видимо, он любил мою тетку. Он предложил ей руку и сердце.

Арон был сыном владельца шляпной мастерской. При этом он не выглядел типичным евреем – близоруким, хилым, задумчивым. Это был высокий, сильный, мужественный человек. Бывший революционный студент, красноармеец и нэпман. Впоследствии – административный работник. И, наконец, в преклонные годы – ревизионист и диссидент…

Арон боготворил мою тетку. Ребенок называл его – папа…

Началась война. Мы оказались в Новосибирске. Боре исполнилось три года. Он ходил в детский сад. Я был грудным младенцем.

Боря приносил мне куски рафинада. Он нес их за щекой. А дома вынимал и клал на блюдце.

Я капризничал, сахар есть не хотел. Боря с тревогой говорил нашим родителям:

– Ведь сахар тает…

Потом война кончилась. И мы уже больше не голодали…

Мой брат рос красивым подростком западноевропейского типа. У него были светлые глаза и темные курчавые волосы. Он напоминал юных героев прогрессивного итальянского кино. Так считали все наши родственники…

Это был показательный советский мальчик. Пионер, отличник, футболист и собиратель металлического лома. Он вел дневник, куда записывал мудрые изречения. Посадил в своем дворе березу. В драматическом кружке ему поручали роли молодогвардейцев…

Я был младше, но хуже. И его неизменно ставили мне в пример.

Он был правдив, застенчив и начитан. Мне говорили – Боря хорошо учится, помогает родителям, занимается спортом… Боря стал победителем районной олимпиады… Боря вылечил раненого птенца… Боря собрал детекторный приемник. (Я до сих пор не знаю, что это такое…)

И вдруг произошло нечто фантастическое… Не поддающееся описанию… У меня буквально не хватает слов…

Короче, мой брат помочился на директора школы.

Случилось это после занятий. Боря выпускал стенгазету к Дню физкультурника. Рядом толпились одноклассники.

Кто-то сказал, глядя в окно:

– Легавый пошел…

(Легавым звали директора школы – Чеботарева.)

Далее – мой брат залез на подоконник. Попросил девчонок отвернуться. Умело вычислил траекторию. И окатил Чеботарева с ног до головы…

Это было невероятно и дико. В это невозможно было поверить. Через месяц некоторые из присутствующих сомневались, было ли это в действительности. Настолько чудовищно выглядела подобная сцена.

Реакция директора Чеботарева тоже была весьма неожиданной. Он совершенно потерял лицо. И внезапно заголосил приблатненной лагерной скороговоркой:

– Да я таких бушлатом по зоне гонял!.. Ты у меня дерьмо будешь хавать!.. Сучара ты бацильная!..

В директоре Чеботареве пробудился старый лагерный нарядчик. А ведь кто бы мог подумать?.. Зеленая фетровая шляпа, китайский мантель, туго набитый портфель…

Мой брат совершил этот поступок за неделю до окончания школы. Лишив себя таким образом золотой медали. Родители с трудом уговорили директора выдать Боре аттестат зрелости…

Я тогда спросил у брата:

– Зачем ты это сделал?

Брат ответил:

– Я сделал то, о чем мечтает втайне каждый школьник. Увидев Легавого, я понял – сейчас или никогда! Я сделаю это!.. Или перестану себя уважать…

Уже тогда я был довольно злым подростком. Я сказал моему брату:

– На фасаде вашей школы через сто лет повесят мемориальную доску: «Здесь учился Борис Довлатов… с вытекающими отсюда неожиданными последствиями…»

Дикий поступок моего брата обсуждался несколько месяцев. Затем Борис поступил в театральный институт. Он решил стать искусствоведом. О его преступлении начали забывать. Тем более что занимался он великолепно. Был секретарем комсомольской организации. А также – донором, редактором стенной газеты и вратарем…

Возмужав, он стал еще красивее. Он был похож на итальянского киноактера. Девицы преследовали его с нескрываемым энтузиазмом.

При этом он был целомудренным и застенчивым юношей. Ему претило женское кокетство. Я помню записи в его студенческом дневнике:

«Главное в книге и в женщине – не форма, а содержание…»

Даже теперь, после бесчисленных жизненных разочарований, эта установка кажется мне скучноватой. И мне по-прежнему нравятся только красивые женщины.

Более того, я наделен предрассудками. Мне кажется, например, что все толстые женщины – лгуньи. В особенности, если полнота сопровождается малым бюстом…

Впрочем, речь идет не обо мне…

Мой брат окончил театральный институт. Получил диплом с отличием. За ним тянулось безупречное комсомольское досье.

Он был целинником и командиром стройотрядов. Активистом дружины содействия милиции. Грозой мещанских настроений и пережитков капитализма в сознании людей.

У него были самые честные глаза в микрорайоне…

Он стал завлитом. Поступил на работу в Театр имени Ленинского комсомола. Это было почти невероятно. Мальчишка, недавний студент, и вдруг такая должность!..

На посту заведующего литературной частью он был требователен и деловит. Он ратовал за прогрессивное искусство. Причем тактично, сдержанно и осторожно. Умело протаскивая Вампилова, Борщаговского, Мрожека…

Его побаивались заслуженные советские драматурги. Им восхищалась бунтующая театральная молодежь.

Его посылали в ответственные командировки. Он был участником нескольких кремлевских совещаний. Ему деликатно рекомендовали стать членом партии. Он колебался. Ему казалось, что он – недостоин…

И вдруг мой братец снова отличился. Я даже не знаю, как лучше выразиться… Короче, Боря совершил двенадцать ограблений.

У него был дружок в институте по фамилии Цапин. И вот они с Цапиным грабанули двенадцать заграничных туристских автобусов. Унесли чемоданы, радиоприемники, магнитофоны, зонтики, плащи и шляпы. И между прочим, запасное колесо.

Через сутки их арестовали. Мы были в шоке. Тетка побежала к своему другу Юрию Герману. Тот позвонил друзьям – генералам милиции.

На суде моего брата защищал лучший адвокат города – Киселев.

В ходе суда обнаружились некоторые подробности и детали. Выяснилось, что жертвы ограбления были представителями развивающихся стран. А также – членами прогрессивных социалистических организаций.

Киселев решил этим воспользоваться. Он задал моему брату вопрос:

– Подсудимый Довлатов, вы знали, что эти люди являются гражданами развивающихся стран? А также – представителями социалистических организаций?

– К сожалению, нет, – разумно ответил Борис.

– Ну, а если бы вы это знали?.. Решились бы вы посягнуть на их личную собственность?

Лицо моего брата выразило крайнюю степень обиды. Вопрос адвоката показался ему совершенно бестактным. Он досадливо приподнял брови. Что означало: «И вы еще спрашиваете? Да как вы могли подумать?!.»

Киселев заметно оживился.

– Так, – сказал он, – и наконец, последний вопрос. Не думали ли вы, что эти господа являются представителями реакционных слоев общества?..

В этот момент его перебил судья:

– Товарищ Киселев, не делайте из подсудимого борца за мировую революцию!..

Но брат успел кивнуть. Дескать, мелькнуло такое предположение…

Судья повысил голос:

– Давайте придерживаться фактов, которыми располагает следствие…

Моему брату дали три года.

На суде он держался мужественно и просто. Улыбался и поддразнивал судью.

Когда оглашали приговор, брат не дрогнул. Его увели под конвоем из зала суда.

Затем была кассация… Какие-то хлопоты, переговоры и звонки. И все напрасно.

Мой брат оказался в Тюмени. В лагере усиленного режима. Мы с ним переписывались. Все его письма начинались словами: «У меня все нормально…»

Далее шли многочисленные, но сдержанные и трезвые просьбы: «Две пары шерстяных носков… Самоучитель английского языка… Рейтузы… Общие тетради… Самоучитель немецкого языка… Чеснок… Лимоны… Авторучки… Самоучитель французского языка… А также – самоучитель игры на гитаре…»

Сведения из лагеря поступали вполне оптимистические. Старший воспитатель Букин писал моей тетке:

«Борис Довлатов неуклонно следует всем предписаниям лагерного режима… Пользуется авторитетом среди заключенных… Систематически перевыполняет трудовые задания… Принимает активное участие в работе художественной самодеятельности…»

Брат писал, что его назначили дневальным. Затем – бригадиром. Затем – председателем совета бригадиров. И наконец – заведующим баней.

Это была головокружительная карьера. И сделать ее в лагере чрезвычайно трудно. Такие же усилия на воле приводят к синекурам бюрократического руководства. К распределителям, дачам и заграничным поездкам…

Мой брат стремительно шел к исправлению. Он был лагерным маяком. Ему завидовали, им восхищались.

Через год его перевели на химию. То есть на вольное поселение. С обязательным трудоустройством на местном химическом комбинате.

Там он и женился. К нему приехала самоотверженная однокурсница Лиза. Она поступила, как жена декабриста. Они стали мужем и женой…

А меня пока что выгнали из университета. Затем – призвали в армию. И я попал в охрану. Превратился в лагерного надзирателя.

Так что я был охранником. А Боря – заключенным.

Вышло так, что я даже охранял своего брата. Правда, очень недолго. Рассказывать об этом мне не хочется. Иначе все будет слишком уж литературно. Как в «Донских рассказах» Шолохова.

Достаточно того, что я был охранником. А мой брат – заключенным…

Вернулись мы почти одновременно. Брата освободили, а я демобилизовался.

Родственники устроили грандиозный банкет в «Метрополе». Чествовали, главным образом, моего брата. Но и меня помянули добрым словом.

Дядя Роман высказался следующим образом:

– Есть люди, которые напоминают пресмыкающихся. Они живут в болотах… И есть люди, которые напоминают горных орлов. Они парят выше солнца, широко расправив крылья… Выпьем же за Борю, нашего горного орла!.. Выпьем, чтобы тучи остались позади!..

– Браво! – закричали родственники. – Молодец, орел, джигит!..

Я уловил в дядиной речи мотивы горьковской «Песни о Соколе»…

Роман слегка понизил голос и добавил:

– Выпьем и за Сережу, нашего орленка! Правда, он еще молод, крылья его не окрепли. Но и его ждут широкие просторы!..

– Боже упаси! – довольно громко сказала мама.

Дядя укоризненно поглядел в ее сторону…

Снова тетка звонила разным людям. И моего брата приняли на Ленфильм. Назначили кем-то вроде осветителя.

А я поступил в многотиражку. И к тому же начал писать рассказы…

Карьера моего брата развивалась в нарастающем темпе. Вскоре он стал лаборантом. Потом – диспетчером. Потом – старшим диспетчером. И наконец – заместителем директора картины. То есть лицом материально ответственным.

Недаром в лагере мой брат так стремительно шел к исправлению. Теперь он, видимо, не мог остановиться…

Через месяц его фотография висела на Доске почета. Его полюбили режиссеры, операторы и сам директор Ленфильма – Звонарев. Более того, его полюбили уборщицы…

Ему обещали в недалеком будущем самостоятельную картину.

Шестнадцать старых коммунистов Ленфильма готовы были дать ему рекомендацию в партию. Но брат колебался.

Он напоминал Левина из «Анны Карениной». Левина накануне брака смущала утраченная в молодые годы девственность. Брата мучила аналогичная проблема. А именно, можно ли быть коммунистом с уголовным прошлым?

Старые коммунисты уверяли его, что можно…

Брат резко выделялся на моем унылом фоне. Он был веселым, динамичным и немногословным. Его посылали в ответственные командировки. Все прочили ему блестящую административную карьеру. Невозможно было поверить, что он сидел в тюрьме. Многие из числа не очень близких знакомых думали, что в тюрьме сидел я…

И снова что-то произошло. Хотя не сразу, а постепенно. Начались какие-то странные перебои. Как будто торжественное звучание «Аппассионаты» нарушилось режущими воплями саксофона.

Мой брат по-прежнему делал карьеру. Произносил на собраниях речи. Ездил в командировки. Но параллельно стал выпивать. И ухаживать за женщинами. Причем с неожиданным энтузиазмом.

Его стали замечать в подозрительных компаниях. Его окружали пьяницы, фарцовщики, какие-то неясные ветераны Халхин-Гола.

Протрезвев, он бежал на собрание. Успешно выступив на собрании, торопился к друзьям.

Сначала эти маршруты не пересекались. Брат делал карьеру и одновременно – губил ее.

Он по трое суток не являлся домой. Исчезал с какими-то непотребными женщинами.

Среди этих женщин преобладали весьма некрасивые. Одну из них, я помню, звали Грета. У нее был зоб.

Я сказал моему брату:

– Ты мог бы найти и получше.

– Дикарь, – возмутился мой брат, – а знаешь ли ты, что она получает спирт на работе! Причем в неограниченном количестве…

Очевидно, мой брат все еще руководствовался юношеской доктриной: «В женщине и в книге главное не форма, а содержание!»

Потом Борис избил официанта в ресторане «Нарва». Брат требовал, чтобы официант исполнил «Сулико»…

Он стал попадать в милицию. Каждый раз его вызволяло оттуда партийное бюро Ленфильма. Но с каждым разом все менее охотно.

Мы ждали, чем все это кончится…

Летом он поехал на съемки «Даурии» в Читу. И вдруг мы узнали, что брат на казенной машине задавил человека. Да еще офицера советской армии. Насмерть…

Это было страшное время предположений и догадок. Информация поступала самая разноречивая. Говорили, что Боря вел машину совершенно пьяный. Говорили, правда, что и офицер был в нетрезвом состоянии. Хотя это не имело значения, поскольку он был мертв…

От тетки все это скрывалось. Дядья собрали около четырехсот рублей. Я должен был лететь в Читу – узнать подробности и совершить какие-то разумные акции. Договориться о передачах, нанять адвоката…

– И если можно, подкупить следователя, – напоминал дядя Роман…

Я начал собираться.

Поздно ночью раздался телефонный звонок. Я поднял трубку. Из тишины выплыл спокойный голос моего брата:

– Ты спал?

– Боря! – закричал я. – Ты жив?! Тебя не расстреляют?! Ты был пьян?!.

– Я жив, – ответил брат, – меня не расстреляют… И запомни – это был несчастный случай. Я вел машину трезвый. Мне дадут года четыре, не больше. Ты получил сигареты?

– Какие сигареты?

– Японские. Видишь ли, Чита имеет сепаратный торговый договор с Японией. И тут продаются отличные сигареты «Хи лайт». Я послал тебе блок на день рождения. Ты получил их?

– Нет. Это неважно…

– То есть как это неважно? Это – классные сигареты, изготовленные по американской лицензии.

Но я прервал его:

– Ты под стражей?

– Нет, – сказал он, – зачем? Я живу в гостинице. Ко мне приходит следователь. Ее зовут Лариса. Полная такая… Кстати, она шлет тебе привет…

В трубке зазвучал посторонний женский голос:

– Ку-ку, моя цыпа!

Потом опять заговорил мой брат:

– В Читу тебе лететь совершенно незачем. Суд, я думаю, будет в Ленинграде… Мама знает?

– Нет, – сказал я.

– Хорошо…

– Боря! – орал я. – Что тебе прислать? Ты, наверное, в жутком состоянии?! Ты ведь убил человека! Убил человека!..

– Не кричи. Офицеры созданы, чтобы погибать… И еще раз повторяю – это был несчастный случай… А главное – куда девались сигареты?..

Вскоре из Читы приехали двое непосредственных участников событий. Таким образом стали известны подробности дела. Вот что, оказывается, произошло.

Был чей-то день рождения. Отмечали его на лоне природы. Боря приехал уже вечером, на казенной автомашине. Как всегда, не хватало спиртного. Гости слегка приуныли. Магазины были закрыты.

Боря объявил:

– Еду за самогоном. Кто со мной?

Он был навеселе. Его пытались отговорить. В результате с ним поехали трое. В том числе – шофер автомобиля, который дремал на заднем сиденье.

Через полчаса они сшибли мотоциклиста. Тот умер, не приходя в сознание.

Участники поездки были в истерике. А брат мой, наоборот, протрезвел. Он действовал решительно и четко. А именно, все-таки поехал за самогоном. Это заняло пятнадцать минут. Затем он щедро наделил самогоном всех участников поездки. В том числе и слегка протрезвевшего шофера. Тот снова задремал.

Лишь тогда брат позвонил в милицию. Вскоре подъехала оперативная машина. Был обнаружен труп, разбитый мотоцикл и четверо пьяных людей. Причем мой брат оказался самым трезвым.

Лейтенант Дудко спосил:

– Кто из вас шофер?

Брат указал на спящего шофера. Того положили в оперативную машину. Остальных развезли по домам, записав адреса.

Брат скрывался трое суток. Пока не выветрился алкоголь. Затем он явился в милицию с повинной.

Шофер к этому времени, естественно, протрезвел. Его содержали в камере предварительного заключения. Он был уверен, что спьяну задавил человека.

Тут явился брат и сказал, что машину вел он.

– Зачем же вы указали на Крахмальникова Юрия Петровича? – рассердился лейтенант.

– Вы спросили, кто шофер, я и ответил…

– Где же вы пропадали трое суток?

– Я испугался… Я был в шоке…

Фальшивая гримаса на лице моего брата выражала хрупкость психики.

– Такого испугаешь! – не поверил лейтенант.

Затем спросил:

– Вы были пьяны?

– Нисколько, – ответил мой брат.

– Сомневаюсь…

Однако что-либо доказать уже было невозможно. Участники рейса клялись, что Боря не пил. Шофер отделался выговором по служебной линии.

Брат поступил умно. Теперь его должны были судить уже не как пьяного за рулем. А как виновника несчастного случая.

Следователь Лариса говорила ему:

– Даже в кровати ты продолжаешь обманывать следствие…

Через неделю он появился в Ленинграде.

Тетка уже все знала. Она не плакала. Она звонила писателям, которые имели дело с милицией. Все тем же – Юрию Герману, Меттеру, Сапарову.

В результате моего брата не трогали. Оставили в покое до суда. Только взяли подписку о невыезде.

Брат заехал ко мне в один из первых дней. Он спросил:

– Ты ведь служил под Ленинградом? Знаешь местную систему лагерей?

– В общем, да. Я был в Обухове, Горелове, на Пискаревке…

– Куда бы мне, по-твоему, лучше сесть?

– В Обухове, я думаю, режим помягче.

– Короче, надо поехать и ознакомиться…

Мы поехали в Обухово. Зашли в казарму. Поговорили с дневальным. Узнали, кто есть из знакомых сверхсрочников. Через минуту в казарму прибежали сержанты Годеридзе и Осипенко.

Мы обнялись. Я познакомил их с моим братом. Потом выяснил, кто остался из старой лагерной администрации.

– Капитан Дерябин, – ответили сверхсрочники.

Капитана Дерябина я хорошо помнил. Это был сравнительно добродушный, нелепый алкаш. Заключенные таскали у него сигареты. Когда я служил, Дерябин был лейтенантом.

Мы позвонили в зону. Через минуту Дерябин появился на вахте.

– А! – закричал он. – Серега приехавши! Дай-ка взглянуть, на кого ты похож. Я слышал, ты писателем заделался? Вот опиши случай из жизни. У меня с отдельной точки зек катапультировался. Вывел я бригаду сантехников на отдельную точку. Поставил конвоира. Отлучился за маленькой. Возвращаюсь – нет одного зека. Улетел… Нагнули, понимаешь, сосну. Пристегнули зека к верхушке монтажным ремнем – и отпустили. А зек в полете расстегнулся – и с концами. Улетел чуть не за переезд. Однако малость не рассчитал. Надеялся в снег приземлиться у лесобиржи. А получилось, что угодил во двор райвоенкомата… И еще – такая чисто литературная деталь. Когда его брали, он военкома за нос укусил…

Я познакомил Дерябина с моим братом.

– Леха, – сказал капитан, протягивая руку.

– Боб.

– Так что, – говорю, – неплохо бы это самое?..

Мы решили уйти из казармы в ближайший лесок. Пригласили Годеридзе и Осипенко. Вынули из портфеля четыре бутылки «Зверобоя». Сели на поваленную ель.

– Ну, за все хорошее! – сказали тюремщики.

Через пять минут брат обнимался с Дерябиным. И между делом задавал ему вопросы:

– Как с отоплением? Много ли караульных собак на блокпостах? Соблюдается ли камерный принцип охраны?

– Не пропадешь, – заверяли его сверхсрочники.

– Хорошая зона, – твердил Годеридзе, – поправишься, отдохнешь, богатырем станешь…

– И магазин совсем близко, – вставлял Осипенко, – за переездом… Белое, красное, пиво…

Через полчаса Дерябин говорил:

– Садитесь, ребятки, пока я жив. А то уволят Леху Дерябина, и будет вам хана… Придут разные деятели с незаконченным высшим образованием… Вспомните тогда Леху Дерябина…

Боря записал его домашний телефон.

– И я твой запишу, – сказал Дерябин.

– Не имеет смысла, – ответил брат, – я через месяц приеду…

В электричке на пути домой он говорил:

– Пока что все не так уж худо.

А я чуть не плакал. Видно, на меня подействовал «Зверобой»…

Вскоре начался суд. Брата защищал все тот же адвокат Киселев. Присутствующие то и дело начинали ему аплодировать.

Любопытно, что жертвой событий он изобразил моего брата, а вовсе не покойного Коробченко.

В заключение он сказал:

– Человеческая жизнь напоминает горную дорогу со множеством опасных поворотов. Один из них стал роковым для моего подзащитного.

Брату опять дали три года. Теперь уже – строгого режима.

В день суда я получил бандероль из Читы. В ней оказалось десять пачек японских сигарет «Хи лайт»…

Борю поместили в Обухове. Он написал мне, что лагерь хороший, а вохра – довольно гуманная.

Капитан Дерябин оказался человеком слова. Он назначил Борю хлеборезом. Это была завидная номенклатурная должность.

За это время жена моего брата успела родить дочку Наташу. Как-то раз она позвонила мне и говорит:

– Нам предоставляют общее свидание. Если ты свободен, поедем вместе. Мне одной с грудным ребенком будет трудно.

Мы поехали вчетвером – тетка, Лиза, двухмесячная Наташа и я.

Был жаркий августовский день. Наташа всю дорогу плакала. Лиза нервничала. У тетки разболелась голова…

Мы подъехали к вахте. Затем оказались в комнате свиданий. Кроме нас там было шестеро посетителей. Заключенных отделял стеклянный барьер.

Лиза распеленала дочку. Брат все не появлялся. Я подошел к дежурному сверхсрочнику:

– А где Довлатов? – спрашиваю.

Тот грубовато ответил:

– Ждите.

Я говорю:

– Позвони дневальному и вызови моего брата. И скажи Лехе Дерябину, что я велел тебя погонять!

Дежурный несколько сбавил тон:

– Я Дерябину не подчиняюсь. Я оперу подчиняюсь…

– Давай, – говорю, – звони…

Тут появился мой брат. Он был в серой лагерной робе. Стриженные под машинку волосы немного отросли. Он загорел и как будто вытянулся.

Тетка протянула ему в амбразуру яблоки, колбасу и шоколад.

Лиза говорила дочке:

– Татуся, это папа. Видишь – это папа…

А брат все смотрел на меня. Потом сказал:

– На тебе отвратительные брюки. И цвет какой-то говнистый. Хочешь, я тебе сосватаю одного еврея? Тут в зоне один еврей шьет потрясающие брюки. Кстати, его фамилия – Портнов. Бывают же такие совпадения…

Я закричал:

– О чем ты говоришь?! Какое это имеет значение?!

– Не думай, – продолжал он, – это бесплатно. Я выдам деньги, ты купишь материал, а он сошьет брюки… Еврей говорит: «Задница – лицо человека!» А теперь посмотри на свою… Какие-то складки…

Мне показалось, что для рецидивиста он ведет себя слишком требовательно…

– Деньги? – насторожилась тетка. – Откуда? Я знаю, что в лагере деньги иметь не положено.

– Деньги как микробы, – сказал Борис, – они есть везде. Построим коммунизм – тогда все будет иначе.

– Погляди же на дочку, – взмолилась Лиза.

– Я видел, – сказал брат, – чудная девка…

– Как, – говорю, – у вас с питанием?

– Неважно. Правда, я в столовой не бываю. Посылаем в гастроном кого-нибудь из сверхсрочников… Бывает – и купить-то нечего. После часу колбасы и яиц уже не достанешь… Да, загубил Никита сельское хозяйство… А было время – Европу кормили… Одна надежда – частный сектор… Реставрация нэпа…

– Потише, – сказала тетка.

Брат позвал дежурного сверхсрочника. Что-то сказал ему вполголоса. Тот начал оправдываться. К нам долетали лишь обрывки фраз.

– Ведь я же просил, – говорил мой брат.

– Я помню, – отвечал сверхсрочник, – не волнуйся. Толик вернется через десять минут.

– Но я же просил к двенадцати тридцати.

– Возможности не было.

– Дима, я обижусь.

– Боря, ты меня знаешь. Я такой человек: обещал – сделаю… Толик вернется буквально через пять минут…

– Но мы хотим выпить сейчас!

Я спросил:

– В чем дело? Что такое?

Брат ответил:

– Послал тут одного деятеля за водкой, и с концами… Какой-то бардак, а не воинское подразделение.

– Тебя посадят в карцер, – сказала Лиза.

– А в карцере что, не люди?!

Ребенок снова начал плакать. Лиза обиделась. Брат показался ей невнимательным и равнодушным. Тетка принимала одно лекарство за другим.

Время свидания истекало. Одного из зеков уводили почти насильно. Он вырывался и кричал:

– Надька, сблядуешь – убью! Разыщу и покалечу, как мартышку… Это я гарантирую… И помни, сука, Вовик тебя любит!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.